

РУССКИЕ ПОСЛАННИКИ В ВЕНЕЦИИ НА РУБЕЖЕ XV–XVI СТОЛЕТИЙ
(ПО ИЗВЕСТИЯМ МАРИНО САНУТО)

Для Московского государства эпоха правления великого князя Ивана III (1462–1505 г.) была не только периодом завершения объединения многих русских земель вокруг Москвы, но и временем интенсивных контактов со странами Западной Европы, в том числе с итальянскими землями. Одним из проявлений этих контактов были частые посольства, которые московские князья и итальянские правители отправляли друг другу. В данной статье внимание сосредоточено на некоторых малоизвестных деталях, связанных с московским посольством в Венецию и Рим 1498–1504 г., которое возглавляли Дмитрий Ралев (Ларев) и Митрофан Карачаров [33, с. 150–179; 12, с. 94, примеч. 7]. Сведения о нем содержатся во многих русских и иностранных источниках¹ и давно привлекали внимание исследователей [31, с. 247–249; 42, с. 39–54; 16, с. 26–28; 33, с. 150–179; 40, с. 193–196]. Известия о посольстве Ралева и Карачарова из «Дневников» венецианского сенатора Марино Сануто (Санудо) исследованы гораздо хуже, чем данные русских летописей и грамот, а между тем они содержат ряд уникальных подробностей, связанных с трехмесячным пребыванием русских в Венеции с декабря 1499 по март 1500 г.² Из сведений Сануто можно почерпнуть новые данные, касающиеся целей этого посольства. Кроме того, в тексте «Дневников» содержится ценный материал, связанный с русским посольским обычаем этого времени. Известия Сануто могут быть полезны и для исследования вопроса о восприятии русских в Венеции на рубеже XV–XVI в.

Отметим, что Сануто называет Ралева и Карачарова «посланниками» — *oratori*³, что не совпадает с отечественной историографической традицией, для которой характерно вслед за русскими источниками именовать представителей великого князя за рубежом «послами». Например, в сохранившейся русской верительной грамоте от февраля 1499 г., представленной папе Александру VI Ралевым и Карачаровым в Риме, куда они отправились из Венеции, употреблено именно это слово: «послали есмь до тебя послов своих Дмитрея Иванова сына Ралева, да Митрофана Карачарова... (курсив мой. — Т. М.)»⁴ [16, с. 28; 40, с. 192–193]. В летописях как представители итальянских государей, так и поверенные великого князя также названы преимущественно «послами»⁵. В верительной грамоте от 1487 г., адресованной миланскому герцогу Джан-Галеаццо Сфорца, представитель великого князя Мануил Ралев назван «служгой» Ивана III⁶: использовано слово, вообще не относящееся к дипломатической терминологии.

В Венеции, славящейся давними и крепкими традициями посольского обычая и церемониала, слово «посол» — *ambasciatore, ambasciadore, ambaisador, ambaxature, ambassatore* — известно с рубежа XIII–XIV в. [7, с. 37; 2, с. 380; 4, с. 45], и именно его использует Сануто

¹ ПСРЛ. М., 2001. Т. 6. Вып. 2. Стб. 357–358; ПСРЛ. М.; Л., 1959. Т. 26. С. 296; Сб. РИО. СПб., 1884. Т. 41. № 63, 64, 76, 79, 81, 83, 84, 85, 86, 87, 88, 89, 90, 91, 92, 93, 95, 96, 97, 98, 100, 101; Liv-, est- und kurländische Urkundenbuch (LUB). Abt. 2. Bd. 1. Riga–Moscau, 1900. № 809, 817, 818, 826; *Sanuto M. I Diarii / Pubbl. per cura di R. Fulin. Venezia, 1880. Т. 3.*

² *Sanuto M. Op. cit. Т. 3. Col. 49, 61, 278, 300.*

³ *Ibid. Col. 49, 54, 61, 66, 89, 101, 135, 244, 272, 278 и др.*

⁴ *Ibid. Col. 135–136.*

⁵ См., например: ПСРЛ. М.; Л., 1949. Т. 25. С. 292, 303, 331; ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 214, 218, 327, 341, 357, 416; ПСРЛ. Т. 26. С. 244, 248–249, 296.

⁶ Россия и Италия. Сборник исторических материалов и исследований, касающихся сношений России с Италией. Т. 3. Вып. 1. СПб., 1911. С. 18.

при переводе великокняжеской грамоты, текст которой полностью приводит сенатор⁷. Однако в своем повествовании Сануто называет представителей Московии, Франции, Священной Римской империи, Неаполя, Феррары и других государств именно *oratori*, подразумевая их более низкий ранг, по сравнению с *ambassatori*.

Стремясь подчеркнуть значимость своих представителей и, следовательно, свое собственное могущество, Иван III обращал большое внимание на визуальную составляющую посольского церемониала. Так, Сануто отметил ключевые особенности внешнего облика русских посланников. Они «были одеты по своему обычаю, и были в каких-то длинных шапках, подбитых мехами у головы, и говорили почти как турки»⁸, и ниже: «Один из них, говоривший по-латыни, грек из рода Палеологов, был одет в одежду, шитую золотом»⁹. По свидетельству англичанина Клементя Адамса (середина XVI в.), в Московском государстве по форме шапок можно было делать предположения о социальном статусе человека: «чем шапка выше, чем лицо почтеннее»¹⁰. Как известно, посланник воспринимался как воплощение государя, его пославшего, что нашло отражение в часто встречающейся в верительных грамотах формулировке «и что учнут тебе от нас говорити, и ты бы им верил, то есть наши истинные речи» [16, с. 28]. Возможны и другие варианты, передающие сходный смысл. Близкая формулировка содержится, например, в верительной грамоте Василия III папе римскому Клименту VII, данной Еремею Трусову и Тимофею («Шарапу») Лодыгину в 1526 г.: «и что станут они, отъ нашего имени Вашему Святейшеству говорить, да верите речам ихъ: ибо наши дела имъ поручены»¹¹. Богатая одежда должна была, таким образом, нести венецианцам вполне определенное «послание без слов»: перед ними представители богатого и сильного правителя [44, с. 61–62]. Есть основания полагать, что посланники достигли цели: Сануто именует великого князя Ивана III «королем русским, или великим князем московским»¹² или просто «королем русским»¹³, что отражало скорее повышение, а не понижение его статуса в глазах венецианцев, привыкших к четкой иерархии европейских правителей, для которой обычным является приоритет короля над князем.

Разное понимание посольского обычая, вернее, важности его терминологической составляющей, вероятно, привело к скандальному эпизоду, произошедшему в Венеции с Ралевым и Карачаровым. Так, русские посланники по постановлению Коллегии не были допущены к участию в одной из церемоний, поскольку считали, что они должны были идти перед посланниками Франции, а не за ними. Сануто утверждает даже, что русские предлагали французам «за первенство» 25 дукатов, однако те денег не взяли¹⁴. Сходный эпизод в истории итало-русских отношений уже имел место в 1493 г. в Милане, когда Мануил Ралев и Данило Мамырев отказались присутствовать на придворном празднестве вследствие несогласий в

⁷ «...i abbassatori nostri Demetrio, fiol de Zuane Ralevo, et Dimitrofano Caracirova...» (см.: *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 135–136).

⁸ «Andoe in colegio a la Signoria li do oratori di Rossia, vestiti a l'horo modo, con alcune barete longe, fodrà di pelle in capo, et parlar quasi turco» (см.: *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 61). «Дневники» Сануто написаны на венецианском диалекте, нередко сложном для понимания. Поэтому при цитировании я предлагаю свой вариант перевода, а в сносках привожу оригинальный текст.

⁹ «Venero li do oratori dil re di Rossia, o ver ducha di Moschovia... uno di qual sapeva latin, era greco di li Paleologi, vestito d'oro...» (см.: *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 244). О том, что греки на русской службе Дмитрий и Мануил Ралевы не принадлежали к роду Палеологов, но нередко представлялись именно так, см.: [33, с. 178–179].

¹⁰ Первое путешествие англичан в Россию в 1553 г. / Пер. И. Тарнавы-Боричевского // ЖМНП. 1838. № 10. Ч. 20. С. 64. См. об этом также в работе Л. Юзефовича [44, с. 26].

¹¹ Переписка пап с российскими государями в XVI в., найденная между рукописями в Римской Барбериниевской библиотеке И. Григоровичем. СПб., 1834. С. 26.

¹² «re di le Rossie (re di Rossia), o vero il ducha di Moscovia» (см.: *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 89, 244, 272).

¹³ «re di Rossia» (см.: *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 61, 89, 278, 300).

¹⁴ «Et è da saper, che oratori dil re di Rossia non fono invidati di hordine del Colegio perchè dicevano voler preceдер li oratori di Franza; et etiam eri fo balotà darli un presente di ducati 25, et non fo preso» (см.: *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 277–278).

церемониале: «они требовали предпочтения перед королевским послом, говоря, что их государь не только благороднее, но и сильнее вместе взятых королей Венгрии, Богемии и Польши»¹⁵. Говоря о ситуации в Венеции, можно предполагать, что русские считали Республику не самой могущественной страной в плане происхождения власти дожа — лица, в значительной степени олицетворявшего государственную власть. Венецианские источники с XIV в. именуют дожа *ripiere* — «государь» [10, с. 69–70]. В так называемом «Летописном своде Родиона Кожуха», вошедшем в состав Софийской II летописи, содержится рассказ первого русского посла в Венецию Семена Толбузина о своей поездке¹⁶, где присутствует описание выборов дожа. Толбузин особо отметил, что дож был «не княжа роду, ни царьска», то есть был совсем не знатного происхождения. Это контрастировало с представлениями русских о легитимности только той государственной власти, которую олицетворял знатнейший во всей стране человек. На протяжении 1470–1490-х годов русские люди все лучше разбирались в политическом устройстве Венеции, поскольку там неоднократно бывали посланники великого князя, однако первое впечатление не могло пройти бесследно.

Стремлением получше разобраться в посольском обычае стран Европы можно в большой степени объяснить появление в начале XVI в. в Московской Руси переводного памятника итальянского происхождения «Европейской страны короли», в котором в порядке старшинства перечислялись западноевропейские монархи [15, с. 420–421]. До тех пор пока представления русских и европейцев (в данном случае венецианцев) не пришли в некоторое соответствие, ситуацию лучше всего характеризовали слова бессмертного фантома русской литературы XIX столетия: «Многие вещи нам непонятны не потому, что наши понятия слабы; но потому, что сии вещи не входят в круг наших понятий» [35, с. 98].

Необычные одеяния русских посланников были не единственным, что поразило венецианцев. Русские сразу же произвели впечатление очень богатых людей. Сануто отметил, что обоз со шкурками соболя и другого пушного зверя был так велик, что его направили в Венецию раньше, чем они сами туда прибыли¹⁷. На приеме в Синьории русские подарили дожу «четыре связки соболей по... штук в каждой: одну — от имени своего короля, две — от имени послов и одну от некоего купца, который был с ними. В числе подарков была и какая-то [особенная] рыба кость»¹⁸. Ринальдо Фулин, редактор третьего тома «Дневников», видимо, не смог разобрать в рукописи количество шкурок в каждой связке, указанное Сануто, и потому поставил в тексте многоточие. Можно предположить, что речь шла о знаменитых «сороках» — традиционной русской мере, принятой для пушнины. Что касается «рыбьей кости», то Сануто вслед за Дмитрием Ралевым, выполнявшим функции переводчика, так назвал знаменитейшую северную диковину — моржовый клык, который в Московском государстве того времени называли «рыбий зуб»¹⁹.

¹⁵ «Volevano precedere allo orator Regio, che dicono il Signor loro oltre allo essere nobilissimo havere piu potential, chel re di Ungheria, Voemia e Polonia insieme». Из приведенных В. Макушевым известий нельзя понять, о короле какой именно страны шла речь. Вероятнее всего, это был французский или неаполитанский король [22, с. 5].

¹⁶ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 218–221. См. об этом также в исследовании Б. М. Клосса и В. Д. Назарова [19, с. 37–38].

¹⁷ «havevano mandati avanti molti zibellini e pellami...» (см.: *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 49–50).

¹⁸ «Et presentono 4 mazi di zibellini, a numero ... per mazo, uno per nome dil suo re, do per nome di lhoror oratori, et uno altro per nome di un certo merchadante era con lhoror. Item uno certo osso di pesse» (см.: *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 61).

¹⁹ Заметим, что Иван III не впервые дарил итальянским правителям «рыбий зуб». Так, в 1493 г. Мануил Ангелов и Данило Мамырев преподнесли в дар миланскому герцогу Лодовико Моро белого кречета, пять сороков соболей, татарскую саблю, резную пластину и «рыбий зуб длиною в локоть и похожий на слоновую кость» («Uno girifalco bianco, cinque mazzi di zibellini di XL per mazzo, una scimitarra et uno arco fornito, et uno dente di pesse che e lungo circa uno braccio, che pare d'avorio») [22, с. 5].

Сануто упоминает также, что Ралев и Карачаров занимались в Венеции продажей мехов, в первую очередь «белых зайцев», а также ножей с рукоятью из «рыбьего зуба»²⁰. Под «белыми зайцами», скорее всего, имеются в виду тюлени — «морские зайцы», как их называют русские источники этого времени²¹. Мех маленьких тюленей в возрасте до года, так называемых бельков, действительно очень ценен. Мех же обычных зайцев был очень популярен в Европе и не считался особенно ценным, поэтому вряд ли его продажа приносила бы большие прибыли²². Кроме того, Сануто мог действительно представить себе каких-то особенных белых зайцев, которых промышляют на Русском Севере²³, тогда как Дмитрий Ралев мог иметь в виду «морских зайцев» — тюленей, переведя название северной диковины дословно, так же как и в случае с «рыбьим зубом».

Этот «северный» сюжет позволяет судить об особенностях образа Московского государства в Венеции: наша страна представлялась одной из богатых северных держав. Этому способствовало и то, что начиная с 1470-х годов итальянцы, так или иначе, стремились получить как можно более подробную информацию о Русском Севере. К рубежу XV—XVI в. на Апеннинском полуострове складывается представление о важности северных просторов с их природными ресурсами, а после известий Дмитрия Герасимова и о значении освоения этого края в поисках новых путей на Восток [24, с. 332—367; 26, с. 113—114]. Эту мысль емко выразил знаменитый гуманист середины XVI в. Джованни-Баттиста Рамузио в своем «Рассуждении о торговле специями». По его свидетельству, чуть ли не вся Северная Европа стремится завладеть этим путем: этого желают и Любек, и польский король, «но более всего московский князь, у которого возможностей достичь этого больше, чем у всех остальных правителей»²⁴. Дж.-Б. Рамузио подразумевает наиболее удобное географическое положение нашей страны, а также постепенное подчинение Московии племен, населявших северо-восток Европы.

Русские посланники всячески выражали дожу и Синьории дружбу и расположение Ивана III. Они передали венецианцам слова великого князя о том, что он надеется, что в их городе «все хорошо»²⁵. За этим могла стоять осведомленность Ивана III о сложной внешнеполитической ситуации, в которой находилась Республика: именно Венеция была главной силой в отражении османской агрессии в Средиземноморье. Со своей стороны, венецианцы могли, по своему обыкновению, увидеть в этой декларации желание великого князя помочь им в борьбе против турок²⁶.

Мысль о том, что русские правители намеревались воевать с османами, к рубежу XV—XVI в. успела прочно укорениться в сознании венецианской аристократии. Так, сенатор

²⁰ «et li soi vendeno molte forde di pelle, maxime di lievri bianchi, cortelli con manego di ossi di pesse, et altro» (см.: *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 89).

²¹ Например, в Описи Карельского Никольского монастыря 1551 г. присутствует упоминание о «вожжах заечьих» (см.: Акты исторические, собранные и изданные Археологической комиссией. СПб., 1841. Т. 1. С. 284).

²² Никто из итальянцев, писавших о богатствах Русского Севера, кроме Аристотеля Фиораванти, не упоминает заячий мех в ряду ценных мехов [14, с. 96]. Франческо да Колло говорит о зайцах только как о дичи, ставя их в одном ряду с дикими петухами, куропатками, фазанами, журавлями, лебедями и дикими утками (см.: Итальянец в России XVI в.: Франческо да Колло. Доношение о Московии. М., 1996. С. 61).

²³ Так, распространенное в начале XVI в. мнение о белом цвете всех северных животных выразил Иоганн Фабри: «причиной сего мог стать чрезвычайный северный холод, всегда порождающий белизну, как учит философия...» (см.: Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы / Ред., пер., комм. О. Ф. Кудрявцева. М., 1997. С. 180). Эта мысль присутствует еще у Аристотеля Фиораванти: «ибо и медведи, и зайцы рождаются [здесь] белыми как горностаи...» [14, с. 96].

²⁴ «E cominciò a dire che la città di Lubecco... e anco il serenissimo re di Polonia... sariano atti a far questo scoprimento (la via nordica in Oriente. — Т. М.), ma soprattutto il duca di Moscovia averia comodità e facilità di ciascun altro principe» (см.: *Ramusio G. B.* Navigazioni e viaggi / A cura di M. Milanese. Torino, 1979. Vol. 2. P. 982).

²⁵ «el suo re mandava a saludar la Signoria dil principe, et li piaceva el stesse ben, e che 'l suo re steva ben...» (см.: *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 61).

²⁶ «Per il principe li fo usato bone parole, e pregando voglij perseverar Guerra contra turchi» (см.: *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 272).

Доменико Малипьеро, говоря в своих «Венецианских анналах» о событиях 1474 г., сообщал о том, что посланник Ивана III Семен Толбузин якобы пообещал Венеции помощь в борьбе против турок²⁷. Сануто в известиях от 1496–1499 г. тоже неоднократно указывает на это стремление великого князя²⁸. Это убеждение так прочно закрепилось в сознании просвещенных жителей Апеннинского полуострова, что вошло как неоспоримый факт в историографию XX в. [1, с. 20]. Впрочем, отечественные ученые доказали беспочвенность этих предположений [33, с. 173], равно как и вообще отсутствие в русской общественной мысли времени Ивана III идей о попытках каким-либо способом бороться за «византийское наследство», якобы перешедшее к великому князю после его женитьбы в 1472 г. на Софье Палеолог [32, с. 116]. Ситуацию со странной уверенностью венецианцев лучше всего объяснил Ф.И. Успенский, заметивший, что они, будучи крайне напуганы османами, «всегда... вычитывали больше из писем великих князей, чем в них содержалось» [39, с. 685]. Тем не менее в Московском государстве живо интересовались антитурецкой борьбой, что нашло отражение в русской книжности первой трети XVI в. Так, в 20-е годы XVI в. появляется русская версия рассказа об одном из эпизодов борьбы Венеции и Османской империи — «Сказание о брани венециан противу турецкого царя» [17, с. 67, 69–70]. Применительно к рассматриваемому посольству Сануто отмечает, что Ралев на приеме у дожа порадовался какой-то победе венецианцев над турками²⁹. Скорее всего, речь шла о Первой битве при Лепанто (12, 20, 22 и 25 августа 1499 г.).

Все рассмотренные выше сюжеты представляют собой замечательный пример диалога русской и итальянской (венецианской) культур, подразумевающего «познание иной культуры через свою, а своей через другую путем культурной интерпретации и адаптации этих культур друг к другу в условиях несовпадения большей части обеих» [27, с. 150]. Перед нами языковые и мировоззренческие несоответствия, порождающие сложности, с которыми сталкиваются представители одной культуры при передаче и осмыслении реалий другой [38, с. 49–101].

Чем, по мнению Сануто, посланники Ивана III могли быть полезны Республике, кроме своего богатства и активности — мнимой или реальной — в деле антитурецкой борьбы? Как следует из источников, они невольно могли помочь одному из венецианских родов восстановить пошатнувшееся благосостояние.

Сануто рассказывает об удивительной сделке, состоявшейся в Венеции между русскими посланниками и венецианцами: русские по поручению великого князя купили за 36 тысяч дукатов удивительной красоты ожерелье³⁰. Украшение было отдано в залог «римским королем» Максимилианом представителям одного из знатнейших венецианских родов — Капелло³¹, из которого происходили многие выдающиеся военные, дипломаты, чиновники и деятели искусства. Легенда возводит род Капелло к так называемым «семьям трибунов» — *famiglie tribunizie* — падуанского происхождения, переселившимся на Рьяльто в 810 г. Впрочем, это поздняя легенда [5, с. 833–834; 3, с. 143–150; 8, с. 97–106]. Наиболее известны из перечисленных Сануто лиц Ветор и «братья Капелло», старшим из которых был Андреа. Ветор Капелло был коллегой Сануто³² и занимал должность *savio ai ordini* — был одним из так называемых «мудрецов порядка». Это была одна из самых почетных в Республике должностей. Немногом раньше он предпринял

²⁷ Malipiero D. *Annali Veneti dall'anno 1457 al 1500* // Archivio storico italiano. Firenze, 1843. Vol. VII. Parte 1. P. 106. Русский перевод отрывка известия о посольстве Семена Толбузина см. у Е. Ч. Скрижинской [34, с. 281].

²⁸ Sanuto M. *Op. cit.* Т. 1. Col. 740, 744 и др.

²⁹ «si rallegra di la victoria...» (Sanuto M. *Op. cit.* Т. 3. Col. 244).

³⁰ «È da saper, in questi giorni, sier Vincenzo Capello, *quondam* sier Nicolò, e li Capelli, fo di sier Vettor et compagni, feno una vendeda di uno collar havevano im pegno dil re di romani presente, bellissimo... Or con li oratori di Rossia, erano qui, fene un merchado di venderlo al re suo per ducati 36 milia» (см.: Sanuto M. *Op. cit.* Т. 3. Col. 89). Именно так, достаточно общим термином, следует перевести здесь слово *collar*.

³¹ Sanuto M. *Op. cit.* Т. 2. Col. 731.

³² *Ibid.* Col. 1110.

попытку продать ожерелье французскому королю Людовику XII, когда тот со своими войсками в ходе так называемых «итальянских войн» занял в 1499 г. Милан³³. Инициатива по продаже ожерелья тогда не увенчалась успехом. А между тем семье Капелло было крайне необходимо получить деньги. Им нужно было как-то компенсировать убытки от разорения знаменитого банка Томмазо Липпомано, где «Андреа Капелло с братьями» был одним из главных кредиторов³⁴. Вероятно, представители рода Капелло решились предложить столь дорогую покупку русским, поскольку были удивлены их богатством.

Сануто отмечает некоторые особенности сделки. Она «была заключена следующим образом: 12 тысяч дукатов наличными, а недостающая до 36 тысяч дукатов сумма — многими шкурками пушного зверя, то есть 16 частей шкурками белки и других зверей, по 36 дукатов за тысячу, 6 частей соболями, каждый из которых стоил 2,5 дуката, и 2 части горностаями, по 10 дукатов за [связку в] сто штук. И там же был отдан задаток в 1000 дукатов наличными, с условием, что в течение 5 месяцев они получают деньги, а в течение года — выделанные шкурки, привезенные в Портогруаро. В случае нарушения данного договора, они [русские] теряли здесь указанные 1000 дукатов наряду с другими условиями, которые были заключены между ними»³⁵.

Как видим, большую часть суммы русские должны были отдать пушниной, причем не привезенной с собой, а скорее всего той, что будет специально заготовлена или выменяна у северных народов для этой цели: на доставку меха отведен целый год. Значительную часть наличных денег (11 тысяч дукатов) русские должны были привезти через 5 месяцев. По тогдашним меркам это очень быстро: Сануто указывает, что до «русского короля и московского князя» три месяца пути³⁶. Это значит, что гонец в Москву отправился из Венеции сразу же по заключении сделки (в декабре 1499 г.), то есть гораздо раньше, чем уехали Ралев и Карачаров (не ранее марта 1500 г.). Кроме того, из текста неясно, кто именно должен был прибыть с мехами в Портогруаро: лично Ралев и Карачаров, или это могли быть доверенные лица. В любом случае, можно сделать вывод, что торговые связи Москвы и Венеции были гораздо интенсивнее, чем можно предположить, опираясь лишь на данные русских источников.

Оплата значительной части суммы не золотом, а пушниной может подтвердить мнение о том, что в Москве золотые монеты в качестве средства оплаты использовать не привыкли [36, с. 110—131]. О бережном отношении Ивана III к золотым изделиям, связанном с дефицитом золота в стране, может свидетельствовать история с частью драгоценностей из казны, которые великая княгиня Софья отдала брату и в приданое своей племяннице, жене князя Вереяского. Великий князь потребовал вернуть драгоценности, а также подверг опале итальянских ювелиров, работавших в Москве³⁷. Заметим, что в Венеции «золотая монета была достоянием знати, важных чиновников и крупных купцов» [21, с. 161], к которым и относились продавцы ожерелья. Сумма в 11 тысяч дукатов наличными представляется в руках гонцов Ивана III поистине фантастической: если верить источнику, речь шла о более чем 38 кг золота (стандартный вес венецианского дуката (3,5 г) отличался стабильностью) [21, с. 161, 164].

Если фигурируют столь значительные суммы, то едва ли заключение сделки было личным

³³ «Sier Vicenzo Capello et sier Vctor Capello, mio collega, anode col collar fo dil re di romani... per venderlo al re (di Franza. — Т. М.) Lo qual lo mostroe, et nulla fece» (см.: *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 18).

³⁴ *Malipiero D.* Op. cit. P. 717; *Sanuto M.* Op. cit. Т. 2. Col. 723, 731 и др.

³⁵ «...fene un merchado... in questo modo: ducati 12 milia di contadi, el resto fino a la summa di ducati di 36 milia in tante pelami: zoè carati 16 tra dossi e vari, a 36 ducati el mier; 6 carati di zibelini, a ducati do e mezzo il pezo; et carati do armelini, a ducati X il 100. Et li dà ducati 1000 di presente, con questo si aspecti 5 mexi, nel qual tempo darà li danari et li pellami, conze e condute fin uno anno fin a Porto Gruer. Et non li dagando, habino perso dicti ducati 1000, con altre condition fate tra l'horò» (см.: *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 89). Автор выражает сердечную благодарность к. и. н. М. Н. Бахматовой за помощь с переводом фрагмента.

³⁶ «di le Rossie, et ducha di Moscavia, si sta mexi 3 andar» (см.: *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 89).

³⁷ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 318.

делом посланников. Вероятнее всего, приобретение этого или другого ожерелья было одной из главных целей Ралева и Карачарова. Косвенным подтверждением этого может стать следующее. В приведенном Сануто переводе текста русской верительной грамоты от 20 февраля 1498 г. присутствует упоминание о каких-то «своих делах» Ивана III, которые Ралев и Карачаров должны были уладить³⁸. В известии об этом посольстве из Софийской II летописи также особо оговаривается, что «послалъ князь велики посольством Дмитрея Иванова сына Ларева Грека да Митрофана Федорова сына Карачарова за море да итальских странъ о своих потребах (курсив мой. — Т. М.)»³⁹. Сходную формулировку встречаем и в грамоте Ивана III к крымскому хану Менгли-Гирею от 15 июля 1502 г.: «Да послали есмя своихъ пословъ за море до Италийскихъ странъ о своихъ потребахъ Дмитрея Иванова сына Ларева да Митрофана Карачарова (курсив мой. — Т. М.)»⁴⁰.

В чем состояли «потребы» Ивана III? Речь могла идти о традиционной цели посольств «во Фрязи», как на Руси называли итальянские земли, — о найме мастеров. Согласно разным спискам описи архива Посольского приказа 1673 г., Ралев и Карачаров должны были нанять «всяких мастеровых людей»⁴¹. Эта цель была реализована: с посольством на Русь прибыли «многие мастера серебряные и пушечники и стенные»⁴², в числе которых был знаменитый Алевиз Новый — создатель Архангельского собора Московского кремля⁴³. Представляется, однако, что в верительной грамоте и летописи речь идет не об общегосударственных, а о каких-то личных «потребах» великого князя. Покупка ожерелья и была этой «потребой».

Для каких целей Ивану III могло потребоваться столь дорогое украшение? Для ответа на этот вопрос необходимо понять, что это было за «ожерелье». Сануто использует слово *collar*, к которому можно возвести два слова: *collare* [2, с. 280] — воротник, в том числе драгоценный, меховой или расшитый золотом и камнями, то есть ценное шейное украшение, и *collana* [2, с. 280–281] — ожерелье, колье, монисто, то есть «шейный убор, ожерелье исключительно золотое, т.е. состоящее из золотых привесок, у которого на гайтане (шнурке) помещались небольшие иконы, панагии, кресты, разделяемые в низке золотыми пронизками, т.е. бусами» [13, с. 500]. Речь могла идти о предмете как женского, так и мужского парадного костюма. Из текста Сануто может следовать, что украшение предназначалось «для дочери русского короля»⁴⁴: неясно, относятся ли слова «*per il re... a una soa fiola*» к сюжету с ожерельем или только к описанной далее покупке черевиков (см. ниже). В этом случае, вероятно, великий князь хотел приобрести его для свадьбы своей дочери Феодосии (1485–1503). Как известно, она 13 февраля 1500 г. была выдана замуж за князя Василия Даниловича Холмского⁴⁵. «На свадьбах монистом или панагиею по обычаю благословляла новобрачную родная мать» [13, с. 517]. Возможно, мать Феодосии, великая княгиня Софья, воспитывавшаяся в Италии, хотела, чтобы украшения были привезены из «Фряжских земель», поскольку не понаслышке знала о высочайшем уровне обработки драгоценных металлов и изготовления украшений в Европе⁴⁶. Поскольку русская верительная грамота датирована началом 1498 г., можно предположить, что московский князь

³⁸ «*per mie facende*» (см.: *Sanuto M. Op. cit. T. 3. Col. 136*).

³⁹ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 357.

⁴⁰ Сб. РИО. Т. 41. № 84. С. 424.

⁴¹ Опись архива Посольского приказа 1673 г. / Подг. к печати В. И. Гальцова. Под ред. С. О. Шмидта. М., 1990. С. 107. В. И. Гальцовым не учтен список части этой описи, в которой упоминается это посольство: РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. Ч. 2. № 74. Л. 2 об.

⁴² ПСРЛ. Т. 26. С. 296.

⁴³ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 372.

⁴⁴ *Sanuto M. Op. cit. T. 3. Col. 89*.

⁴⁵ ПСРЛ. Т. 6. Вып. 2. Стб. 359–360. Разряд свадьбы см.: Древняя российская виблиофика. М., 1790. Т. 13. С. 1–5.

⁴⁶ О том, где именно было сделано монисто, неизвестно.

стремился успеть к свадьбе. Однако посольство по неизвестным причинам добиралось до Венеции очень долго: 10 месяцев. Поэтому едва ли монисто успели привезти к 13 февраля 1500 г. в Москву. Впрочем, с женихом могла быть договоренность, что столь дорогое и к тому же уникальное приданое будет отдано позже.

Если же предположить, что речь идет о предмете мужского костюма, то, вероятно, слово *collar* могло подразумевать какой-то драгоценный расшитый воротник или даже настоящую «диадиму», бармы, то есть «драгоценное оплечье в виде круглого широкого воротника... которое украшалось небольшими иконками... жемчугом и драгоценными камнями» [9, с. 14]. Косвенным подтверждением этого предположения может стать эпизод из истории XVII столетия, связанный с покупкой знаменитой «диадимы» для царя Алексея Михайловича. Эта драгоценность сохранилась в собрании Оружейной палаты и давно привлекает внимание исследователей [23, с. 363–367].

«Диадиму» изготовил мастер «царегородец Иван Юрьев сын Репета» по образцу «диадимы благочестиваго греческаго царя Костянтина»⁴⁷. Во многих документах, связанных с оценкой этой «диадимы» (а о стоимости как изделия в целом, так и его отдельных деталей, в том числе «яхонтов» и «яхонтиков», «алмазов» и «алмазцев»⁴⁸, между русскими и иноземцами шли длительные споры)⁴⁹, присутствует ее «ропись»: «Диадима золота на алтабасе серебряномъ с алмазы и съ яхонты червчетыми и с лазоревыми и с ызумруды и с финифты, подложена бархатомъ червчатым, напреди запона болшая, а посреди образъ Пречистые Богородицы Знамения на престоле наведено финифтом рознымъ назад, и против тое запоны запона такова ж болшая, а посреди образ святаго и праведнаго Алексея человека Божия, наведено финифть ж розными поверхъ образовъ по изумруду, а по сторонамъ по два изумруда болшие граненые»⁵⁰. Из документов следует, что Иван Юрьев долгое время не мог получить все деньги за свою работу, и полностью рассчитался с ним уже не Алексей Михайлович, а его сын царь Федор, пожаловавший «царегородца» указом о выплате недостающей суммы «для поминовения отца своего государства блаженные памяти великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича»⁵¹. Значительную часть суммы мастер получил «сободем и иным товаром» из Сибирского приказа.

Эта история в некоторых частях может напомнить ситуацию с покупкой ожерелья в конце XV в. не только тем, что большая часть суммы была отдана «мягкой рухлядью». Ожерелье, о котором идет речь в «Дневниках» Сануто, как уже было сказано, принадлежало императору Максимилиану и представляло собой золотое изделие искусной работы (*bellissimo*), украшенное множеством камней. Сануто отметил также, что венецианцы хотели продать его французскому королю. Можно предположить, что это могла быть какая-то регалия, а не просто ценное ювелирное изделие. Если допустить, что ожерелье действительно было доставлено в Москву, оно, несомненно, произвело большое впечатление на русских придворных и даже могло стать своего рода эталоном для подобных изделий. Не этим ли объясняется тот факт, что русские в XVII в., по мнению Н. П. Чесноковой, не хотели вначале принять «диадиму», так как «ожидали увидеть нечто отличное от того, что прислал Иван Юрьев» [41, с. 193]? Если принять эти допущения (весьма приблизительные), то можно предположить, что *collar*— это бармы или какая-то другая инсигния. В этом случае, однако, неясно, для чего они могли потребоваться Ивану III в конце

⁴⁷ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. 1662–1680. № 142. Л. 1.

⁴⁸ РГАДА. Ф. 159. Оп. 1. № 2143. Л. 263 и др.

⁴⁹ Там же. Л. 194–210, 261–308.

⁵⁰ Там же. Л. 194–195.

⁵¹ РГАДА. Ф. 156. Оп. 1. 1662–1680. № 142. Л. 4.

февраля 1498 г., когда было отправлено посольство. Знаменитое венчание на царство Дмитрия-внука было совершено 4 февраля, тогда как верительная грамота датирована 20 февраля, то есть после этого события. В чине венчания упомянуты некие бармы, и Дмитрию-внуку еще одни вряд ли были нужны. Можно предположить, что Иван III покупал украшение для себя, но известные факты этого не подтверждают. Впрочем, кажется, Иван III действительно питал к драгоценным камням особую слабость [11, с. 606].

Итак, гипотеза, согласно которой под *collar* следует понимать монисто, а не мужское шейное украшение или бармы, представляется на этом этапе исследования наиболее убедительной, хотя, возможно, дальнейшие разыскания внесут коррективы в решение этого вопроса.

Была ли реализована эта сделка и, тем более, было ли доставлено ожерелье в Москву или нет, сказать невозможно. По крайней мере, сведения о 38 кг золота в руках русских посланников или купцов вызывают большие сомнения. Во-первых, на Руси в ту пору ощущался недостаток золота⁵², и Иван III не стремился вывозить его из страны, напротив, давая поручения своим послам привозить его⁵³. Кроме того, людей, везших столь драгоценный груз, могли ограбить в дороге даже при условии хорошей охраны. Однако сделка сама по себе свидетельствует о том, что Иван III стремился не отставать от самых блистательных правителей Европы. Так, «когда в 1501 г. дочь [папы] Александра VI Борджиа Лукреция выходила в третий раз замуж, ее отец захотел, чтобы по своей пышности ее приданое превзошло все существовавшие до сих пор... Речь шла о платье стоимостью пятнадцать тысяч дукатов, головном уборе в десять тысяч дукатов, пятидесяти парчовых и бархатных платьях и о сотнях других предметов одежды» [43, с. 78]. Папа лучше московского князя был осведомлен о ценах на предметы роскоши в Италии, поэтому продавцам было сложнее сильно завысить для него цены, как это удалось сделать в случае с посланниками Ивана III. Однако монисто для Феодосии и по европейским меркам было дорогим: венецианцы получили его от «римского короля» Максимилиана в залог на сумму в 25 тысяч дукатов⁵⁴. От его продажи Ивану III они получили бы прибыль в 11 тысяч дукатов, что почти полностью покрыло бы их вложения в банк Липпомано⁵⁵.

Опираясь на известия Сануто, мы можем сделать некоторые предположения и о будущем свадебном наряде княжны Феодосии. Она должна была надеть какую-то особенную парадную обувь⁵⁶, также купленную в Венеции, которую Сануто именуется загадочным термином *bolzegini*⁵⁷. Представляется, что подходящим эквивалентом в данном случае может стать слово «черевички» — женские сапожки на высоком каблуке [28, с. 865–866; 37, стб. 1500]. О том, что *bolzegini* представляли собой вид женской парадной обуви, свидетельствуют другие случаи употребления

⁵² Иван III даже снарядил дальнюю экспедицию с целью поиска и разработки месторождений золотой и медной руды в бассейне р. Цильмы (см.: ПСРЛ. Т. 26. С. 287–288).

⁵³ См. материалы посольства 1490 г. к императору Максимилиану. В «памяти Юрию да Халепе» (руководителю посольства Юрию Траханиоту и участнику его Ивану Халепе) говорилось: «а не пойдут те соболы и белки на мастера (которых предполагалось нанять в ходе посольства. — Т. М.), ино то продати на золотыя на Венедитские или на Угорские, да золотые привезти къ Великому Князю (курсив мой. — Т. М.)». См. об этом у Н. М. Карамзина [18, с. 87. № 342].

⁵⁴ *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 18, 89.

⁵⁵ Малипьеро сообщает, что Андреа Капелло с братьями вложили 13600 дукатов. Сануто пишет о 10 и 13 тысячах дукатов (см.: *Malipiero D.* Op. cit. P. 717; *Sanuto M.* Op. cit. Vol. 2. Col. 731, 739).

⁵⁶ Об этом может свидетельствовать синтаксическая конструкция, использованная Сануто: «lo comprava per il re, el qual havia fato uno *per di bolzegini* a una soa fiola... (курсив мой. — Т. М.)» (*Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 89), что можно перевести как «его [монисто] [русские посланники] покупали для короля [Ивана III], который совершал эту покупку к [уже имеющимся] сапожкам для своей дочери».

⁵⁷ Ни в одном из известных мне словарей венецианского диалекта это слово не встречается.

Сануто этого слова⁵⁸. В пользу предположения о том, что это именно сапожки, может говорить следующее. Во-первых, Феодосия Ивановна выходила замуж зимой, следовательно, едва ли она могла быть в открытой обуви. Во-вторых, обувь была украшена «драгоценностями, которые стоили ему (Ивану III. — Т. М.) 16 тысяч дукатов»⁵⁹. На маленьких туфельках уместилось бы не более нескольких небольших камней, которые никак не могли стоить так дорого. Если Феодосия унаследовала низкий рост матери [30, с. 101], то ей, вероятно, нужна была обувь на высоком каблуке⁶⁰.

Итак, рассмотренные нами известия из «Дневников» Марино Сануто дают новый и весьма ценный материал для раскрытия многих особенностей восприятия русских в Венеции рубежа XV–XVI в. Известия Сануто важны и для реконструкции реалий, касающихся самых разных сфер жизни Московского государства того времени. Говоря о впечатлениях Сануто от встречи с русскими, стоит подчеркнуть, что они свидетельствуют о представлениях в Венеции о Московии как о богатой северной стране⁶¹, с которой можно и нужно развивать сотрудничество, не позволяя, однако, ее представителям устанавливать на территории Республики свои правила. Сходные в целом оценки Московии как диковинной северной державы представлены и в итальянских трактатах последней четверти XV— первой половины XVI в., непосредственно посвященных описанию нашей страны⁶². Что касается сведений, ценных для реконструкции русских реалий того времени, то «Дневники» не только дают возможность существенно дополнить наши представления о целях посольства «в Итальяские страны» 1498–1504 г. и, следовательно, о жизни великокняжеского двора, но и предлагают вниманию исследователя живую, хотя, конечно, уникальную сцену из торговой практики московских посланников. Известия Сануто предоставляют и новый материал, касающийся функционирования русской посольской службы рубежа XV–XVI в. и тех проблем, с которыми сталкивались русские посланники за рубежом. Все эти данные иллюстрируют сложности и противоречия процесса встраивания Московского государства в европейский мир того времени.

Литература

1. Barbieri G. Milano e Mosca nella politica del Rinascimento. Bari, 1957.
2. Battaglia S. Il grande dizionario della lingua italiana. Torino, 1961. Vol.1.
3. Cicogna E. A. Saggio bi bibliografia veneziana. Venezia, 1847.
4. Cortelazzo M., Zolli P. Dizionario etimologico della lingua italiana. A—C. Bologna, 1979. Vol. 1.
5. Enciclopedia italiana di scienze, lettere ed arti. Milano—Roma, 1930. Vol. VIII.
6. Mancini M. Ut Pictura poesis: Tiziano y su recepción en España. Madrid, 2010.
7. Prati A. Vocabolario etimologico italiano. Roma, 1969.
8. Soranzo G. Bibliografia veneziana. Venezia, 1885.
9. Аркадьева Т. Г., Васильева М. И., Проничев В. П., Шарри Т. Г. Словарь русских историзмов. М., 2005.

⁵⁸ «Soa Maestà vene vestita... di brocato d'argento, foderato di zebellini et calzato, li bolzegini bianchi» de la coronación imperial del 1530, «una vesta di brocato di argento rizzo sopra alla francesca, foderato de una bellissima fodera di zibellini con un sayo dil medesimo drappo di argento et zippone con clase bianche e scarpe di velluto bianco» (цит. по исследованию М. Манчини о Тициане [6, с. 212, примеч. 638: *Sanuto M.* Op. cit. Vol. 47. Venezia, 1532. Col. 194]; «Soa exelencia vene da nui su la galia di messer piovando forte, con una capa di scarlato dopia, uno capelo in capo et bolzegini in pè, e per quatro hore fono in consolito...» (*Sanuto M.* Op. cit. Vol. 1. Venezia, 1879. Col. 341).

⁵⁹ «bolzegini... adornati di zoie, che li costava ducati 16 milia» (см.: *Sanuto M.* Op. cit. Т. 3. Col. 89).

⁶⁰ К сожалению, сказать что-либо о росте Феодосии не представляется возможным, поскольку данных о ее захоронении не сохранилось [29, с. 121].

⁶¹ Эта «северная» грань образа русских земель в сознании европейцев всегда была чрезвычайно важна, и если в XIII–XIV в. она подразумевала скорее негативную характеристику русских (см. исследование О. Ф. Кудрявцева [20, с. 532–535]), то к рубежу XV–XVI в. ситуация несколько меняется, север становится итальянцам немного ближе и понятнее (см. работу Т. А. Матасовой [25, с. 66]).

⁶² См., напр.: Россия в первой половине XVI в.: Взгляд из Европы. С. 98, 103, 105, 112, 257, 264, 268–270; Гваньини А. Описание Московии. М., 1997. С. 17, 21, 25, 37, 45, 47–55; Итальянец в России XVI в.: Франческо да Колло. Доношение о Московии. С. 59–60, 62–63.

10. Бек К. История Венеции. М., 2002.
11. Борисов Н. С. Иван III. М., 2003.
12. Дьяки и подьячие Посольского приказа в XVI в. Справочник / Сост. В.И. Савва. М., 1983. Ч.2.
13. Забелин И. Е. Домашний быт русских цариц в XVI и XVII столетиях. М., 1901.
14. Земцов С. М., Глазычев В. Л. Аристотель Фьораванти. М., 1985.
15. Казакова Н. А. «Европейской страны короли» // Труды Ленинградского отделения Института истории СССР. М.; Л., 1964. Вып. 7. С. 418—426.
16. Казакова Н. А. Грамота Ивана III к папе Александру VI // Археографический ежегодник за 1973 г. М., 1974. С. 26—28.
17. Казакова Н. А. Новый памятник турецкой темы в русской литературе XVI в. // Памятники культуры: Новые открытия. Ежегодник. 1974. М., 1975. С. 62—70.
18. Карамзин Н. М. Примечания к тт. IV—VI «Истории государства российского». СПб., 1852.
19. Клосс Б. М., Назаров В. Д. Летописные источники XV века о строительстве московского Успенского собора // История и реставрация памятников Московского Кремля. Государственные музеи Московского Кремля. М., 1989. Вып. VI. С. 20—42.
20. Кудрявцев О. Ф. «Другой мир»: Характерные черты восприятия Руси и русских средневековым Западом // Многоликость целого: Из истории цивилизаций Старого и Нового Света: Сборник статей в честь Виктора Леонидовича Малькова. М., 2011. С. 508—540.
21. Ле Гофф Ж. Средневековье и деньги. СПб., 2010.
22. Макушев В. Флорентийский государственный архив и хранящиеся в нем материалы для славянской истории. СПб., 1870.
23. Мартынова М. В. Бармы царя Алексея Михайловича // Россия и христианский Восток. М., 2004. Вып. 2—3. С. 363—376.
24. Матасова Т. А. Европейский север и северо-восток в представлениях русских и итальянцев в XIV — начале XVI в. // Средневековая Русь. 2012. Вып. 10. С. 332—367.
25. Матасова Т. А. Кречеты для миланского герцога, или Что дарили русские князья итальянским правителям в XV веке? // Родина. 2011. № 12. С. 64—66.
26. Матасова Т. А. Русский Север и Италия в XV столетии // Соловецкое море. М.; Архангельск, 2009. Вып. 8. С. 107—114.
27. Миронов В. В. Философия и метаморфозы культуры. М., 2005.
28. Ожегов С. И. Словарь русского языка. М., 1968.
29. Панова Т. Д. Кремлевские усыпальницы: история, судьба, тайна. М., 2003.
30. Панова Т. Д. О захоронении Софьи Палеолог в московском Кремле // Россия и христианский Восток. М., 1997. Вып. 1. С. 101—104.
31. Пирлинг П. Россия и папский престол. СПб., 1912. Кн. 1—4.
32. Синицына Н. В. Третий Рим: Истоки и эволюция русской средневековой концепции. М., 1998.
33. Скржинская Е. Ч. Кто были Ралевы, послы Ивана III в Италию? // Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в Средневековье. СПб., 2000. (Впервые опубли.: Проблемы истории международных отношений: Сборник статей в честь Е. В. Тарле. Л., 1972.)
34. Скржинская Е. Ч. Русь, Италия и Византия в средневековье. СПб., 2000.
35. Сочинения Козьмы Пруткова. М., 1982.
36. Спасский И. Г. Монетное и монетовидное золото в Московском государстве и первые золотые Ивана III // Вспомогательные исторические дисциплины. Л., 1976. Вып. VIII. С. 110—131.
37. Срезневский И. И. Материалы для словаря древнерусского языка. М., 1912. Т. 3.
38. Тер-Минасова С. Г. Война и мир языков и культур. М., 2008.
39. Успенский Ф. И. Брак царя Ивана Васильевича с Софьей Палеолог // Исторический вестник. 1887. № 12. С. 672—796.
40. Хорошкевич А. Л. Русское государство в системе международных отношений конца XV — начала XVI в. М., 1980.
41. Чеснокова Н. П. Христианский Восток и Россия: Политическое и культурное взаимодействие в середине XVII в. М., 2011.
42. Эрнст Н. Л. Бахчисарайский ханский дворец и архитектор великого князя Ивана III Фрязин Алевиз Новый // Известия Таврического общества истории, археологии и этнографии. Симферополь, 1928. Т. 2.
43. Эрс Ж. Повседневная жизнь папского двора времен Борджиа и Медичи: 1420—1520. М., 2007.
44. Юзефович Л. Путь посла: Русский посольский обычай: Обиход, этикет, церемониал. СПб., 2007.